

УДК 81'272'06(470+571)

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ОРИЕНТИРОВ. ОПЫТ КАНАДЫ

Чмыхало Александр Юрьевич¹,
sanichtom@tpu.ru

Чаплинская Яна Игоревна²,
yana16071992@yandex.ru

¹ Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30

² Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Чмыхало Александр Юрьевич, кандидат философских наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета.

Чаплинская Яна Игоревна, кандидат философских наук, ассистент Факультета инновационных технологий Национального исследовательского Томского государственного университета.

В статье рассматривается новая языковая ситуация, сложившаяся в России в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”». Введением в действие данного закона фактически признаются фундаментальные изменения в положении русского языка как в мире, так и в России. Закон провозглашает принципы языковой политики, близкой к модели ассимиляции, в рамках которой стремление к языковой однородности общества является приоритетным основанием ее построения. **Актуальность** обусловлена тем, что желание сохранить устойчивой языковую ситуацию, выраженное в стремлении защитить русский язык в качестве единственного государственного языка Российской Федерации, может оказать воздействие на проявление таких языковых и социальных процессов, которые до последнего времени имели скрытый характер. Сложившаяся ситуация актуализирует внимание к изучению опыта тех стран, которые раньше других столкнулись с проблемой интенсивного воздействия новейших тенденций социального, экономического, политического и культурного характера на языковую ситуацию в стране. В статье обращено внимание на опыт Канады, которая была одной из первых в выработке новой языковой политики в условиях современного постиндустриального мира. **Цель:** выявить устойчивые корреляции социальных и языковых процессов, проявившие себя в ходе реализации языковой политики в канадской провинции Квебек после введения в действие Хартии французского языка. Искомые корреляции могут иметь определенную актуальность для формирования новой языковой и терминологической политики в условиях современной России. **Метод:** социолингвистический подход, позволивший выявить движущие механизмы формирования принципов языковой политики и обозначить новые направления их возможной трансформации в соответствии с тем социальным контекстом функционирования языка, который сложился в настоящее время в России. **Результаты:** опыт канадской провинции Квебек показывает, что стремление к языковой однородности не должно игнорировать глобальные тенденции развития современного мира. В противном случае такая политика может стать не столько средством, стимулирующим развитие национального самосознания и гордости людей по поводу собственной уникальности, сколько, наоборот, дополнительным барьером, усугубляющим социальные и политические противоречия и экономическую отсталость страны или региона.

Ключевые слова: языковая политика, терминологическая политика, социолингвистический подход, языковая ситуация, языковая ассимиляция.

Введение

Принятие 28 февраля 2023 года Федерального закона № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”» констатировало относительно новую для русского языка ситуацию и актуализировало проблему разработки новой языковой и терминологической политики, связанной с поиском решений, созданием и обсуждением планов развития терминологии в тех областях деятельности, для которых в наибольшей степени характерны заимствование и использование иностранных слов, то есть в первую очередь сферы научно-технического творчества и образования.

Относительная новизна возникшей проблемы связана с тем, что до недавнего времени русский язык был государственным языком первого в мире пролетарского государства, претендовавшего на то, чтобы быть центром будущей мировой пролетарской революции. В этих обстоятельствах распространение и изучение русского языка являлись следствием не только идеологических императивов, но и имели объективную основу, связанную с присутствием и деятельностью предприятий и организаций СССР и его представителей во многих частях мира. В этих условиях, с одной стороны, те или иные заимствования из иностранных языков хоть и не приветствовались и периодически провоцировали различные кампании против иностранного «засилья», против проявлений «безродного космополитизма», с другой – они могли рассматриваться и в качестве примера проявления пролетарского интернационализма, лидерства СССР в мировом коммунистическом движении.

Постсоветская Россия в течение 1990-х – нач. 2000-х гг. утратила не только прежние идеологические ориентиры, а также политические и экономические позиции одного из лидеров биполярного мира, но также оказались подорваны и позиции русского языка как одного из самых распространенных и изучаемых языков мира.

Введение в действие нового Федерального закона констатирует новую языковую ситуацию, сложившуюся в России к настоящему времени, в рамках которой происходит интенсивное функциональное взаимодействие форм и стилей русского языка с формами и стилями других языков, в первую очередь с английским, который в последние десятилетия стал играть роль глобального языка. Фактически признается наличие фундаментальных изменений в положении русского языка как в мире, так и в России и достаточно четко провозглашаются принципы языковой политики в стране, весьма близкие к модели ассимиляции, в рамках которой стремление к языковой однородности общества является приоритетным принципом ее построения. В ходе реализации подобного рода модели желание сохранить текущую языковую ситуацию затрагивает в первую очередь сферы научно-технического творчества и образования, в рамках которых число заимствований весьма велико.

Кроме того, нельзя не учитывать еще и то обстоятельство, что русский язык на протяжении всей своей истории был весьма восприимчив к заимствованиям из других языков. Немаловажную роль в этом играл интернациональный состав населения России, включавший в себя носителей финно-угорских, тюркских, монгольских, германских и прочих языков, который продолжает не только сохраняться, но и пополняться носителями африканских, китайских и других языков в условиях тех мощных миграционных процессов, которые затронули страну в течение последних 30 лет. В силу того, что Россия является федеративным государством, многие из этих языков имеют статус государственного в рамках отдельных субъектов федерации, что, несомненно, усложняет языковую ситуацию в стране.

В этих условиях стремление к сохранению стабильной языковой ситуации, выраженное в защите и поддержке русского языка в качестве государственного языка Российской Федерации, может оказать воздействие на формирование таких языковых и социальных процессов, которые до последнего времени имели латентную форму.

Проблема взаимообусловленности социальных и языковых процессов не является принципиально новой как для отечественных, так и для зарубежных исследователей, которые еще в 1950-70-е гг. обратили внимание на то, что движущая причина языковых изменений – социальные процессы, которые происходят среди носителей данного языка. Речь идет о так называемом социолингвистическом подходе, который был разработан американским лингвистом У. Лабовым и его последователями [1], а также отечественными исследователями Е.Д. Поливановым, М.В. Пановым и др. [2, 3].

Применение социолингвистического подхода в ходе настоящего исследования может позволить выявить движущие механизмы формирования принципов языковой политики и обозначить новые направления их возможной трансформации в соответствии с тем социальным контекстом функционирования языка, который сложился в настоящее время в России. Кроме того, данный подход актуализирует внимание к изучению опыта тех стран, которые раньше других столкнулись с проблемой интенсивного воздействия новейших тенденций социального, экономического, политического и культурного характера на языковую ситуацию в стране. Рассмотрение этого опыта позволяет выявить устойчивые корреляции между социальными и языковыми изменениями и учитывать их в процессе выработки языковой политики.

В рамках настоящей работы следует обратить внимание на опыт таких стран, который мог бы быть наиболее показательным и значимым для поиска эффективных решений при проведении языковой политики в современной России. В первую очередь здесь можно обратить внимание на опыт Канады, которая была одной из первых в выработке новой языковой политики в условиях современного постиндустриального мира, а также на результаты исследований канадских ученых, обративших свое внимание на проблемы языковой политики и ее составляющих в связи с разработкой и введением в действие Хартии французского языка (*La charte de la langue française*), или *Quebec French Preference Law*, в провинции Квебек (Канада).

Цель исследования – выявить устойчивые корреляции социальных и языковых процессов, установленные в ходе реализации языковой политики в канадской провинции Квебек в связи с введением в действие Хартии французского языка. Данный опыт может иметь определенную значимость в процессе формирования новой языковой и терминологической политики в России.

Языковая политика: подходы к определению

Поскольку в настоящем исследовании понятие «языковая политика» является одним из ключевых, то в первую очередь следует определиться с тем, какое содержание будет вкладываться в него. В современной литературе по вопросам социолингвистики можно встретить массу подходов к определению понятия «языковая политика». Роберт Каплан и Ричард Бадлауф определяют языковую политику как совокупность идей, законов, постановлений, правил и практик, направленных на достижение запланированного изменения языка [4, 5]. Марк Феттс рассматривает языковую политику как часть неразрывного целого, включающего в себя и языковое планирование, и настаивает на том, чтобы область называлась «языковая политика и планирование». При этом под языковым планированием он понимает обеспечение стандартов рациональности и эф-

фективности, в то время как языковая политика проверяет эти идеи против реальной практики, чтобы способствовать развитию лучших моделей планирования [6].

Дэвид Джонсон, проанализировав содержание целого ряда подходов, предложил свое, весьма развернутое определение. Его позиция заключается в том, что языковая политика – это механизм, влияющий на структуру, функцию, использование или приобретение языка и включающий:

- официальные правила, часто составляемые в виде письменных документов, предназначенных для внесения некоторых изменений в форму, функции, использование или приобретение языка, которые могут повлиять на экономические, политические и образовательные возможности;
- неофициальные, скрытые, фактически используемые и неявные механизмы, связанные с языковыми убеждениями и практиками, которые имеют регулируемую власть над использованием языка и взаимодействием в сообществах, на рабочих местах и в школах;
- не только продукты, но и процессы – «политика» как глагол, а не существительное, – которые управляются разнообразием агентов языковой политики на нескольких уровнях создания, интерпретации, присвоения и реализации политики;
- политические тексты и дискурсы в различных контекстах и слоях политической деятельности, на которые влияют идеологии и дискурсы, уникальные для этого контекста [7].

В литературе можно встретить и ряд других концепций, например «социоконструктивистская» позиция Гарольда Шиффмана [8] и социокультурный подход Терезы Маккарти [9, 10], теории Толлефсона [11, 12] и Спольски [13, 14] и пр. Каждая из представленных концепций имеет свои достоинства и недостатки, разбор которых не является предметом настоящего исследования.

Рассматривая представленные взгляды исключительно с позиции цели настоящего исследования, необходимо отметить, что перспектива использования подхода Д. Джонсона видится более продуктивной. Его позиция состоит в том, что в ней достаточно четко обозначен круг тех объектов (процессов и явлений), которые должны быть подвергнуты изучению в случае проявления исследовательского интереса к языковой политике той или иной страны либо региона. Именно поэтому в рамках данного исследования основное внимание было сосредоточено на содержании официальных документов, а также на неофициальных, явных и неявных механизмах, связанных с языковыми убеждениями и практиками, на политических текстах и дискурсах в различных контекстах и слоях политической деятельности, в которых выражалась языковая политика Квебека и Канады в целом в связи с введением в действие Хартии французского языка.

Хартия французского языка: причины принятия и опыт изучения

Ключевым событием, сыгравшим основную роль в изменении языковой политики в Канаде, стало принятие в 1977 г. Хартии французского языка, или Билля 1011. Согласно данному законодательному акту Квебека (одной из провинций Канады – англоязычной страны), французский язык, который со времен образования этой провинции был родным языком большинства ее населения, стал единственным официальным языком Квебека.

Хартия сделала французский язык единственным языком образования, торговли, работы и государственного управления. В условиях наличия в Канаде англоязычного

большинства, а также весьма значительной прослойки англоязычного населения в самом Квебеке принятие Хартии создало предпосылки для формирования различных проблем и противоречий, на преодоление которых была направлена языковая политика как Квебека, так и Канады в целом на протяжении последующих десятилетий. Хартия французского языка несколько раз оспаривалась в судах. Она претерпела многочисленные изменения и приобрела как массу сторонников, так и весьма многочисленных противников.

Раскрывая вопрос о тех изменениях в языковой политике Квебека и Канады в целом, которые произошли в связи с принятием Хартии французского языка, последовательно анализируем характер социальной и языковой ситуации, которая складывалась в Квебеке накануне введения ее в действие и в последующие годы.

Рут Кирхер (Kircher Ruth) [15, 16] выделяет несколько ключевых причин, воздействие которых в итоге привело к пересмотру языковой политики в Квебеке, а именно:

- 1) урбанизация, вызвавшая приток франкоговорящего населения в города, где они вступили в конкуренцию с англоговорящей частью населения;
- 2) формирование «нового среднего класса» среди франкоговорящего населения, выступавшего против языковой ассимиляции в качестве платы за экономическое развитие и стремившегося примирить франкоязычную идентичность с реалиями современного городского общества; утверждение национализма в языковом вопросе;
- 3) миграция и рост численности англоязычных среди мигрантов. Мигранты – аллофоны (жители Квебека, для которых ни английский, ни французский языки не являются родным) – выбирали в качестве своего нового языка английский язык как наиболее предпочтительный с экономической точки зрения. Английский язык воспринимался как язык социального и экономического прогресса;
- 4) формирование новой языковой ситуации – французский язык жителей Квебека все больше отличался от европейского французского языка, что формировало эффект стигматизации, замкнутости жителей Квебека не только от населения остальной части Канады, но и от других носителей французского языка;
- 5) «тихая революция», то есть модернизация социальной и экономической жизни в Квебеке.

Нарастающее воздействие этих обстоятельств на социально-политическую обстановку на протяжении 1950–70-х гг. выливалось в принятие в Квебеке политических решений, которые были призваны превратить французский язык сначала в приоритетный язык обучения, затем бизнеса и в итоге в единственный официальный язык этой провинции Канады.

В течение последующих сорока лет в Квебеке и Канаде был накоплен весьма разнообразный опыт разработки и реализации языковой политики в стране, где на фоне территории безусловного доминирования английского языка имеется территория, в рамках которой значительная часть жителей сплотилась вокруг отстаивания своих прав на использование другого, французского, языка. Этот опыт уникален тем, что несмотря на жесточайший прессинг со стороны федерального правительства, а также обстоятельств экономического, социального и политического характера, которые, казалось бы, должны были показать всю тщетность усилий населения Квебека сохранить свою языковую уникальность, их упорство не осталось без награды. Движение за введение Хартии и работа по проведению ее положений в жизнь привели к росту гордости и уверенности франкоговорящих жителей Квебека в том, что они являются полноправными гражданами своей провинции.

Исследования, посвященные тем или иным результатам действия Хартии французского языка и ее влияния на различные стороны жизни людей в Квебеке и Канаде, стали появляться в печати уже в конце 1970-х – начале 80-х гг. (сама Хартия была принята в 1977 г.). Библиография исследований составляет сотни наименований, в рамках которых можно найти диаметрально различные оценки результатов применения данного документа. При этом одной из наиболее популярных тем, получившей освещение в исследовательской литературе, стала тема ошибок и достижений языковой политики в Квебеке на фоне реализации положений хартии французского языка. Исследования подобного рода стали выходить в свет уже с 1977 г. Среди наиболее известных можно упомянуть работы John Mallea [17], Ronald Wardhaug [18], Bourhis Richard [19], Marc Levine [20, 21], Uli Locher [22], Denise Daoust [23], Rodrigue Landry и Richard Bourhis [24], Michael MacMillan [25, 26] и других авторов. Несмотря на широкую разработанность, эта тема продолжает быть в центре внимания исследователей и в настоящее время. За последние 10–15 лет вышли работы Martel Marcel и Martin Pâquet [27], Ruth Kircher [15, 16], Charles Boberg [28, 29, 30], также посвященные данной теме.

По мере накопления материалов, связанных с различными аспектами применения и влияния Хартии на языковую политику Квебека и Канады в целом, все больше стало появляться тематических исследований, посвященных проблемам улучшения привлекательности французского языка среди различных категорий жителей Канады, вопросам обучения французскому языку мигрантов из различных стран, роли французского языка в публичном пространстве, изучению влияния языка на деловую сферу [31] и прочим аспектам влияния языковой политики, в том числе на сферы образования, науки и бизнеса, причем не только в Канаде, но и в других странах, столкнувшихся с проблемой билингвизма и оптимального разрешения проблемы все возрастающего влияния английского языка. Здесь можно отметить работы таких исследователей, как Candelier Michel [32], Dixon Quentin [33], François Grin, Michele Gazzola, Vaillancourt François [34–36] и др.

Трансформация языковой политики Квебека после принятия Хартии французского языка

Результаты анализа представленных выше работ позволяют высказать ряд тезисов, которые все более доминируют в выводах исследователей относительно трансформации языковой политики Квебека и Канады в целом, в течение времени, прошедшего после принятия Хартии французского языка, а именно:

1. Что касается опыта трансформации официальных документов, то в этом отношении в Квебеке сформировался достаточно разноплановый и неоднозначный опыт принятия правовых решений. В первую очередь введение в действие Хартии французского языка в 1977 г. породило новую проблему – необходимость формирования языковой политики в отношении носителей английского языка, которая бы не ущемляла и их конституционные права. Поэтому практически сразу же принимается ряд изменений, которые значительно смягчали категоричность первоначально принятых решений, в частности на английском языке должны были публиковаться все законы.

В 1990-е гг. постепенный отход от ранее выработанных жестких позиций в отношении английского языка стал еще более заметен. Были приняты поправки, которые должны были снизить степень напряженности противостояния в области языковой политики между франкофонами и носителями английского языка. Это происходило под воздействием целого ряда обстоятельств:

- первоначальная жесткая позиция в отношении максимального использования исключительно французского языка вызвала массовый отток англоязычного населения из провинции. Это была весьма серьезная потеря, поскольку англоязычная часть Квебека была одной из наиболее богатых и экономически активных частей населения провинции [37];
- многочисленные судебные иски со стороны англоязычного населения, поддержанного в своих правах на использование английского языка со стороны федерального правительства и суда;
- близость Квебека к крупнейшим англоязычным рынкам мира, превращение английского языка в глобальный язык современного мира.

Совокупность этих обстоятельств обусловила шаткость позиций сторонников французского языка в Квебеке. Сначала было осуществлено медленное отступление в области языкового ландшафта, касающегося общественных вывесок и коммерческой рекламы. В 1993 г. было разрешено использовать английский язык на общественных и коммерческих вывесках при условии доминирования надписей на французском языке. Затем дошла очередь и до сферы образования, которая во многом и была эпицентром тех событий, которые протекали в области языковой политики Квебека в 1950–70-е гг., приведшие в итоге к принятию Хартии. Если сначала согласно Хартии было установлено, что обучение в детском саду, а затем в начальной и средней школе должно вестись только на французском языке, то в настоящее время образование на английском языке разрешено для любого ребенка граждан Канады, получившего образование на английском языке где-либо в Канаде, а также детям, чьи родители, а также братья и сестры получили образование на английском языке в Квебеке.

Таким образом первоначальная жесткость позиции подверглась уточнениям и изменениям с учетом интересов различных групп граждан. Политики должны быть готовы к компромиссам, учитывающим интересы всех групп граждан, а не только большинства.

2. Неофициальные, скрытые и неявные механизмы, связанные с языковыми убеждениями и практиками, также оказывали свое воздействие на трансформацию языковой политики. Опыт Квебека показал, что возможности для равного использования двух и более языков в одной стране крайне ограничены тем, что всегда будет доминировать тот язык, который использует большинство населения, в особенности, если этот язык претендует на глобальную роль в современном мире. Кроме того, значительную роль играют культурные стереотипы, которые важны в сохранении традиционного отношения населения как к языку, так и к его носителям. Именно поэтому реализация новых идей в области языковой политики в полной мере невозможна без обретения политического суверенитета той части населения, которая выступает за свое языковое своеобразие, что провоцирует сепаратистские политические движения, выступающие за обретение большей независимости провинций от центральной власти.

Хартия не только внесла изменения во многие социально-политические и экономические процессы, но и сама языковая политика подверглась воздействию с их стороны. Какой бы широкой не была автономия, сама по себе она не является достаточным условием для реализации всего комплекса положений языковой политики. Автономии сталкиваются не только с воздействием со стороны центральной власти, но и оказываются под еще более значительным влиянием, вызванным эпохой цифровых технологий и глобализации.

К концу 1990-х гг. авторам и сторонникам введения в действие хартии казалось, что франкофоны одерживают победу не только в области языка, но и осуществляют

экономическое отвоёвывание своей провинции, ибо французский язык стал все больше использоваться в деловой среде, носители французского языка становились все более заметной частью деловой элиты Квебека, стиралась разница в оплате труда между франко- и англоговорящими жителями провинции [38].

Английский язык все более активно проникает в систему образования через иностранных студентов. Чтобы усилить позиции университетов, необходимо участвовать в международных программах по привлечению студентов из других стран. В настоящее время ни один язык не способен конкурировать в степени распространённости с английским, что вынуждает университеты использовать его в образовательном процессе. Англоязычные образовательные программы стремительно расширяются. В свою очередь, это влияет и на принятие элементов англоязычной культуры. Карьера, мысли, культура все более приобретают ориентиры, выраженные на английском языке.

Каким бы националистическим и самостоятельным не объявляло себя правительство той или иной автономии, оно не может игнорировать то, что именно англоязычные университеты предлагают академическую карьеру и образование мирового класса. Эти условия определяют то, что самые способные дети стремятся получить среднее и высшее образование на английском языке, чтобы быть конкурентоспособными на глобальных рынках труда. Чтобы сохранить лидерство в области образовательных и научно-исследовательских программ, правительство Квебека вынуждено осуществлять финансирование университетов, ведущих подготовку на английском языке в ущерб программам на иных языках, хоть и объявляемых привилегированными для использования в других сферах жизни.

Политические тексты и дискурсы в различных контекстах и слоях политической деятельности, на которые влияют идеологии и дискурсы, – уникальные для этого контекста. Так, несмотря на стремление политических кругов Квебека жестко защищать позиции французского языка, наряду с периодами наступлений и жесткой обороны имеются и периоды отступлений и компромиссов в вопросах языковой политики и отстаивания прав франкоязычной части населения провинции.

Потребности населения в качественном образовании и здравоохранении способствуют тому, что английский язык все больше проникает в эти сферы, в том числе под влиянием демографических процессов. Все большее количество мигрантов делают выбор в пользу изучения английского языка и его использования в сфере науки и бизнеса, что сокращает возможности для усиления позиций иных языков.

Кроме того, по мере роста численности мигрантов все более активизируются роль иммигрантских сообществ и их желание отстаивать свое право на выбор языка общения, обучения собственных детей. Иммигранты все чаще перестают принимать участие в каких-либо мероприятиях по усвоению местного языка и культуры, пользуясь правом выбирать тот или иной язык (английский или французский) в зависимости от степени владения им до момента принятия решения на миграцию (чаще этот выбор делается в пользу английского языка).

Результаты

Обобщая представленный опыт реализации языковой политики Квебека и Канады в целом, связанный с введением в действие Хартии французского языка, можно выделить ряд проявивших себя устойчивых корреляций, которые в первую очередь состоят в том, что жесткая политика в отношении использования только одного языка способна вызвать негативную реакцию со стороны языковых меньшинств. Негативный эффект минимизируется тогда, когда меньшинства видят позитивные результаты изучения

языка большинства – экономические, политические, социальные. Стремление к утверждению языковой однородности вместе с тем не должно игнорировать глобальные тенденции развития отдельных сфер деятельности, таких как образование и наука, в рамках которых использование английского языка является составной частью успешного овладения профессией и участия в передовых научных-исследовательских программах. Это общемировая тенденция. Создание препятствий в изучении и использовании английского языка в образовательных и научных целях может негативно отразиться на уровне развития науки и образования в стране. В-третьих, в условиях федеративного устройства страны при наличии языковых меньшинств попытка проведения политики, направленной на их ассимиляцию, порождает как минимум две возможные альтернативы дальнейшего развития – рост сепаратизма в тех территориальных образованиях, которые претендуют на языковую уникальность, или принятие языкового разнообразия как условия взаимного конструктивного взаимодействия (при этом жесткость позиции обеих сторон – центральной власти и части федерации – как правило, способствует формированию сепаратистских тенденций). В-четвертых, проведение эффективной языковой политики в отношении мигрантов, направленной на стимулирование изучения ими языка страны или региона присутствия, возможно при условии применения позитивных экономических, социальных и политических стимулов. Количество желающих изучать язык страны или региона присутствия среди мигрантов возрастает по мере улучшения их экономической и социальной адаптации к условиям жизни, когда они начинают считать себя неотъемлемой частью местного сообщества.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что анализ опыта реализации языковой политики в канадской провинции Квебек в связи с введением в действие Хартии французского языка позволил выявить ряд корреляций социальных и языковых процессов, которые весьма актуальны и для современной России, вступившей на путь формирования новой языковой и терминологической политики, ориентированной на реализацию модели ассимиляции, то есть языковой однородности общества. Опыт канадской провинции Квебек показывает, что какой бы жесткостью и целеустремленностью не отличалась позиция власти в ее стремлении к реализации подобного рода модели, она не может игнорировать глобальные тенденции развития современного мира, связанные с интернационализацией образования, масштабными миграционными процессами, формированием глобального мирового рынка труда и капитала. В этих условиях жесткость языковой политики в отрыве от согласованной с ней социальной и экономической политики может стать не столько средством, стимулирующим развитие национального самосознания и гордости людей по поводу собственной уникальности, сколько, наоборот, дополнительным барьером, усугубляющим социальные и политические противоречия, а также экономическую отсталость страны или региона.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00061, <https://rscf.ru/project/22-28-00061>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып. 7 «Социолингвистика» / под. ред. Н.С. Чесоданова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 114–129.
2. Тихонова Е.В. Социолингвистический подход к проблеме термина // Омский научный вестник. – 2006. – № 8 (44). – С. 233–235. EDN: HZHDXT.
3. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – 376 с.

4. Kaplan R.B., Baldauf R.B. Language planning: from practice to theory. – Clevedon: Multilingual Matters, 1997. – 403 p.
5. Leimgruber J.R.E. Language planning and policy in Quebec: a comparative perspective with view from Singapore and Wales. – Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2019. – 297 p.
6. Fettes M. Language planning in education // Language policies and political issues in education / Eds. R. Wodak, D. Corson. – Dordrecht: Kluwer Academic, 1997. – P. 13–22.
7. Cassels J.D. Language policy. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. – 291 p.
8. Schiffman H.F. Linguistic culture and language policy. – London: Routledge, 1996. URL: <http://ccat.sas.upenn.edu/~haroldfs/public/finalmarch.pdf> (дата обращения 28.03.2023).
9. McCarty T.L. Dangerous difference: a critical-historical analysis of language education policies in the USA // Medium of instruction policies: Which agenda? Whose agenda? / Eds. J.W. Tollefson, A.B.M. Tsui. – London: Routledge, 2004. – P. 71–93. URL: <https://nycstandswithstandingrock.files.wordpress.com/2016/10/mccarty.pdf> (дата обращения 06.01.2023).
10. McCarty T.L. Ethnography and language policy. – London: Routledge, 2011. – 328 p.
11. Tollefson J.W. Planning language, planning inequality. – New York: Longman, 1991. – 234 p.
12. Tollefson J.W. Language policy in a time of crisis and transformation // Language policies in education: critical issues / Ed. by J.W. Tollefson. – London: Routledge, 2013. – P. 11–34.
13. Spolsky B. Language policy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 250 p.
14. Spolsky B. Language management. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 308 p.
15. Kircher R. Quebec's shift from ethnic to civic national identity: Implications for language attitudes amongst immigrants in Montreal // Language and identity: discourse in the world / Ed. by D. Evans. – London: Bloomsbury Publishing, 2014. – P. 55–80.
16. Kircher R. Language attitudes among adolescents in Montreal: potential lessons for language planning in Quebec // Nottingham French Studies. – 2016. – V. 55. – Iss. 2. – P. 239–259. DOI: 10.3366/nfs.2016.0151
17. Mallea J.R. Quebec's language policies: background and response. – Quebec: Presses de l'Université Laval, 1977. – 265 p.
18. Wardhaug R. Language and nationhood: the Canadian experience. – Vancouver: New Star Books, 1983. – 269 p.
19. Conflict and language planning in Quebec / Ed. by R.Y. Bourhis. – Clevedon: Multilingual Matters, 1984. – 304 p.
20. Levine M.V. Language policy and Quebec's visage français: New directions in la question linguistique // Québec Studies. – 1989. – V. 8. – P. 1–16.
21. Levine M.V. The reconquest of Montreal: language policy and social change in a bilingual city. – Philadelphia: Temple University Press, 1990. – 285 p.
22. Locher U. Les Anglophones de Montréal: Émigration et évolution des attitudes 1978–1983. – Québec: Conseil supérieure de la langue française, 1988. – 219 p.
23. Daoust D. A decade of language planning in Quebec: a sociopolitical overview // Language policy and political development / Ed. by B. Weinstein. – Norwood: Ablex, 1990. – P. 108–130.
24. Landry R., Bourhis R.Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – V. 16. – Iss. 1. – P. 23–49. URL: <https://doi.org/10.1177/0261927X970161002> (дата обращения 06.01.2023).
25. MacMillan M. The practice of language rights in Canada. – Toronto: University of Toronto Press, 1998. – 272 p.
26. MacMillan M. Rights in conflict: contemporary disputes over language policy in Quebec // Contemporary Quebec: Selected readings and commentaries / Eds. M.D. Behiels, M. Hayday. – Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2011. – P. 393–416.
27. Martel M., Pâquet M. Speaking up: a history of language and politics in Canada and Quebec. – Toronto: Between the Lines, 2012. – 312 p.
28. Boberg C.S. The English language in Canada: status, history and comparative analysis. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 292 p.
29. Boberg C.S. English as a minority language in Quebec // World Englishes. – 2012. – V. 31. – Iss. 4. – P. 493–502. DOI: 10.1111/j.1467-971X.2012.01776.x
30. Boberg C.S. Ethnic divergence in Montreal English // Canadian Journal of Linguistics. – 2014. – V. 59. – Iss. 1. – P. 55–82. DOI: 10.1017/S0008413100000153
31. Economic approaches to language and bilingualism / Ed. by A. Breton. – Ottawa: Canadian Heritage, 1998. – 261 p.
32. L'éveil aux langues à l'école primaire. Evlang: bilan d'une innovation européenne / Éd. par M. Candelier. – Bruxelles: De Boek, 2003. – 384 p.

33. Dixon Q.L. Bilingual education policy in Singapore: An analysis of its sociohistorical roots and current academic outcomes // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2005. – V. 8. – Iss. 1. – P. 25–47. DOI: 10.1080/jBEB.v8.i1.pg25
34. Grin F., Gazzola M. Criteria-based comparison in language policy: principles and methodology // Working Papers of the DYLAN project. – Working Paper N 5. – 2010. – № 1 (5). – P. 10–45. URL: https://www.unige.ch/fti/recherches/groupe/elf/files/8114/5865/9215/WoPa5_Theme1_UNIGE-OBSSELF.pdf (дата обращения 03.02.2023).
35. Grin F. Economic considerations in language policy // An introduction to language policy: theory and method / Ed. by T. Ricento. – Malden, MA: Blackwell, 2006. – P. 77–94.
36. Grin F., Vaillancourt F. The economics of language policy: an introduction to evaluation work // Research methods in language policy and planning: a practical guide / Eds. F.M. Hult, J.D. Cassels. – Chichester, UK: Wiley-Blackwell, 2015. – P. 118–129.
37. Bourhis R.Y. Ethnic and language attitudes in Quebec // Ethnicity and Culture in Canada: the Research Landscape / Eds. J.W. Berry, J.A. Laponce. – Toronto: University of Toronto Press, 1994. – P. 322–360.
38. Levine M.V. La reconquête de Montréal. – Montréal, VLB Éditeur, 1997. – 404 p.

Поступила: 21.04.2023.

Принята после рецензирования: 06.06.2023.

UDC 81'272'06(470+571)

LANGUAGE POLICY OF MODERN RUSSIA IN SEARCH OF NEW GUIDELINES AND EXPERIENCE OF CANADA

Alexandr Yu. Chmykhalo¹,
sanichtom@tpu.ru

Yana I. Chaplinskaya²,
yana16071992@yandex.ru

¹ National Research Tomsk Polytechnic University,
30, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia

² National Research Tomsk State University,
36, Lenin avenue, Tomsk, 634050, Russia

Alexandr Y. Chmykhalo, Cand. Sc., associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University

Yana I. Chaplinskaya, Cand. Sc., assistant, National Research Tomsk State University.

*The article discusses the new language situation that has developed in Russia, the formation of which was ascertained by the adoption on February 28, 2023 of the Federal Law of No. 52-FZ «On Amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation"». In fact, the presence of fundamental changes in the position of the Russian language both in the world and within modern Russia was recognized, and the adoption of the principles of language policy close to the assimilation model was proclaimed quite clearly, within which the desire for linguistic homogeneity of society is a priority principle of its construction. **The relevance** of the study is caused by the fact that the desire to maintain stable language situation, expressed in protection and support of only the Russian language as the state language of the Russian Federation, can have an impact on the formation of such linguistic and social processes that until recently had latent form. The current situation actualizes attention to the study of the experience of those countries that, earlier than others, faced the problem of the intensive impact of the latest social, economic, political and cultural trends on the language situation in the country. The article draws attention to the experience of Canada, which was one of the first to develop a new language policy in the modern post-industrial world. **The purpose** of the work is to identify stable correlations of social and linguistic processes established during the implementation of the language policy in the Canadian province Quebec in relation to the introduction of the Charter of the French Language, which could be of some relevance for the formation of a new language and terminological policy in modern Russia. **Methods.** Sociolinguistic approach was applied, which made it possible to identify the driving mechanisms for the formation of the principles of language policy and identify new directions for their possible transformation in accordance with the social context of the functioning of the language that has currently developed in modern Russia. **Results.** The experience of the Canadian province Quebec shows that the pursuit of linguistic homogeneity should not ignore the global trends in the development of the modern world. Otherwise, such a policy may become not so much a means of stimulating the development of national self-consciousness and people's pride in their own uniqueness, but, on the contrary, an additional barrier that aggravates social and political contradictions and the economic backwardness of a country or region.*

Key words: language policy, terminological policy, sociolinguistic approach, language situation, linguistic assimilation.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation no. 22-28-00061, <https://rscf.ru/project/22-28-00061/>.

REFERENCES

1. Labov U. Issledovanie yazyka v ego sotsialnom kontekste [The study of language in its social context]. *Novoe v lingvistike. Vyp. 7. Sotsiolingvistika* [New in linguistics. Iss. 7. Sociolinguistics]. Ed. by N.S. Chermodanov. Moscow, Progress Publ., 1975. pp. 114–129.
2. Tikhonova E.V. Sociolinguistic approach to the problem of terminology. *Omsk Scientific Bulletin*, 2006, no. 8 (44), pp. 233–235. In Rus. EDN: HZHDXT.
3. Polivanov E.D. *Stati po obshchemu yazykoznaniyu* [Articles on general linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 376 p.
4. Kaplan R.B., Baldauf R.B. *Language planning: from practice to theory*. Clevedon, Multilingual Matters, 1997. 403 p.
5. Leimgruber J.R.E. *Language planning and policy in Quebec: a comparative perspective with view from Singapore and Wales*. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag, 2019. 297 p.
6. Fettes M. Language planning in education. *Language policies and political issues in education*. Eds. R. Wodak, D. Corson. Dordrecht, Kluwer Academic, 1997. pp. 13–22.
7. Cassels J.D. *Language policy*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2013. 291 p.
8. Schiffman H.F. *Linguistic culture and language policy*. London, Routledge, 1996. Available at: <http://ccat.sas.upenn.edu/~haroldfs/public/finalmarch.pdf> (accessed: 28 March 2023).
9. McCarty T.L. Dangerous difference: a critical-historical analysis of language education policies in the USA. *Medium of instruction policies: Which agenda? Whose agenda?* Eds. J.W. Tollefson, A.B.M. Tsui. London, Routledge, 2004, pp. 71–93. Available at: <https://nycstandswithstandingrock.files.wordpress.com/2016/10/mccarty.pdf> (accessed: 6 January 2023).
10. McCarty T.L. *Ethnography and language policy*. London, Routledge, 2011. 328 p.
11. Tollefson J.W. *Planning language, planning inequality*. New York, Longman, 1991. 234 p.
12. Tollefson J.W. Language policy in a time of crisis and transformation. *Language policies in education: Critical issues*. Ed. by J.W. Tollefson. London, Routledge, 2013. pp. 11–34.
13. Spolsky B. *Language policy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 250 p.
14. Spolsky B. *Language management*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 308 p.
15. Kircher R. Quebec's shift from ethnic to civic national identity: Implications for language attitudes amongst immigrants in Montreal. *Language and identity: Discourse in the world*. Ed. by D. Evans. London, Bloomsbury Publishing, 2014. pp. 55–80.
16. Kircher R. Language attitudes among adolescents in Montreal: potential lessons for language planning in Quebec. *Nottingham French Studies*, 2016, vol. 55, Iss. 2, pp. 239–259. DOI: 10.3366/nfs.2016.0151
17. Mallea J.R. *Quebec's language policies: background and response*. Quebec, Presses de l'Université Laval, 1977. 265 p.
18. Wardhaug R. *Language and nationhood: the Canadian experience*. Vancouver, New Star Books, 1983. 269 p.
19. *Conflict and language planning in Quebec*. Ed. by R.Y. Bourhis. Clevedon, Multilingual Matters, 1984. 304 p.
20. Levine M.V. Language policy and Quebec's visage français: New directions in la question linguistique. *Québec Studies*, 1989, vol. 8, pp. 1–16.
21. Levine M.V. *The reconquest of Montreal: language policy and social change in a bilingual city*. Philadelphia, Temple University Press, 1990. 285 p.
22. Locher U. *Les Anglophones de Montréal: Émigration et évolution des attitudes 1978–1983* [Anglophones in Montreal: emigration and changing attitudes 1978–1983]. Québec, Conseil supérieur de la langue française, 1988. 219 p.
23. Daoust D. A decade of language planning in Quebec: a sociopolitical overview. *Language policy and political development*. Ed. by B. Weinstein. Norwood, Ablex, 1990. pp. 108–130.
24. Landry R., Bourhis R.Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, 1997, vol. 16, Iss. 1, pp. 23–49. Available at: <https://doi.org/10.1177/0261927X970161002> (accessed: 6 January 2023).
25. MacMillan M. *The practice of language rights in Canada*. Toronto, University of Toronto Press, 1998. 272 p.
26. MacMillan M. Rights in conflict: contemporary disputes over language policy in Quebec. *Contemporary Quebec: Selected readings and commentaries*. Eds. M. D. Behiels, M. Hayday. Montreal & Kingston, McGill-Queen's University Press, 2011. pp. 393–416.
27. Martel M., Pâquet M. *Speaking up: a history of language and politics in Canada and Quebec*. Toronto, Between the Lines, 2012. 312 p.

28. Boberg C.S. *The English language in Canada: status, history and comparative analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 292 p.
29. Boberg C.S. English as a minority language in Quebec. *World Englishes*, 2012, vol. 31, Iss. 4, pp. 493–502. DOI: 10.1111/j.1467-971X.2012.01776.x
30. Boberg C.S. Ethnic divergence in Montreal English. *Canadian Journal of Linguistics*, 2014, vol. 59, Iss. 1, pp. 55–82. DOI: 10.1017/S0008413100000153
31. *Economic approaches to language and bilingualism*. Ed. by A. Breton. Ottawa, Canadian Heritage, 1998. 261 p.
32. *L'éveil aux langues à l'école primaire. Evlang: bilan d'une innovation européenne* [Language awareness in primary school. Evlang: assessment of a European innovation]. Ed. by M. Candelier. Bruxelles, De Boek, 2003. 384 p.
33. Dixon Q.L. Bilingual education policy in Singapore: an analysis of its sociohistorical roots and current academic outcomes. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2005, vol. 8, Iss. 1, pp. 25–47. DOI: 10.1080/jBEB.v8.i1.pg25
34. Grin F., Gazzola M. Criteria-based comparison in language policy: principles and methodology. *Working Papers of the DYLAN project. Working Paper no. 5*, 2010, no. 1 (5), pp. 10–45. Available at: https://www.unige.ch/fti/recherches/groupe/elf/files/8114/5865/9215/WoPa5_Theme1_UNIGE-OBSELF.pdf (accessed: 3 February 2023).
35. Grin F. Economic considerations in language policy. *An introduction to language policy: theory and method*. Ed. by T. Ricento. Malden, MA, Blackwell, 2006. pp. 77–94.
36. Grin F., Vaillancourt F. The economics of language policy: an introduction to evaluation work. *Research methods in language policy and planning: a practical guide*. Eds. F.M. Hult, J.D. Cassels. Chichester, UK, Wiley-Blackwell, 2015. pp. 118–129.
37. Bourhis R.Y. Ethnic and language attitudes in Quebec. *Ethnicity and Culture in Canada: The Research Landscape*. Eds. W. Berry, J.A. Laponce. Toronto, University of Toronto Press, 1994. pp. 322–360.
38. Levine M.V. *La reconquête de Montréal* [The reconquest of Montreal]. Montréal, VLB Éditeur, 1997. 404 p.

Received: 21 April 2023.

Reviewed: 6 June 2023.